

ванных и способных). В заключение центральная пресса сообщила: «Профессор Д.Д. Плетнёв, не желая выставлять свою кандидатуру на суд общественной критики, отказался от участия в конкурсе и оставил занимаемую им кафедру»⁸. На самом деле профессор в отставку не собиравался и заявление об освобождении его от занимаемой должности не подавал, но опровергнуть напечатанный в газетах вымысел не имел никакой возможности.

Итоги так называемого конкурса подвел начальник Главного управления профессионального образования (Главпрофобра) А.Я. Вышинский — в прошлом рядовой меньшевик, поменявший социал-демократические заблуждения на «единственно правильную» идеологию и в 1920 году принятый в команду большевиков. Это был уже не тот мелкий служащий Наркомата продовольствия, успевший своевременно взобраться на хлебную должность, чтобы переждать разлив гражданской междоусобицы; и не тот малозаметный сверхштатный преподаватель факультета общественных наук, занимавший очередь в канцелярию университета, дабы исхлопотать себе справку для предоставления в фундаментальную библиотеку; и не тот почтительный до непристойного подобострастия к вышестоящим прокурор уголовно-судебной коллегии Верховного суда СССР; и даже не автор наспех состряпанной книги «История коммунизма», опубликованной в середине 1925 года, вскоре после назначения его ректором Московского университета. Тогда пресса вволю отхлестала его за пустую фразеологию и «кисло-сладкую мешанину», за полное незнание предмета, неряшливое изложение марксистских писаний и превращение популяризации в опасную вульгаризацию⁹. С мая 1928 года, когда ему доверили председательствовать на суде по фальсифицированному Шахтинскому делу, он обзавелся непрекаемостью мнения и тона и потихоньку примерялся к посту главного инквизитора страны.

С точки зрения Вышинского, чистка дала ощутимые результаты, разрушив традиционные

формы организации науки и расколов преподавателей на тех, кто «за нас, против нас, около нас и сзади нас». Она показала также, что одной политической благонадежности уже недостаточно (отныне правящая партия действительно требовала от каждого советского подданного слепого и безраздельного обожания). Вместе с тем начальник Главпрофобра торжественно обещал принять вызов, «брошенный советской общественности одиозными фигурами профессорского мира», и уж во всяком случае не позволить им трудиться по-прежнему¹⁰.

Проигнорировать такое заявление Плетнёв не мог — обращено-то оно было непосредственно к нему. Его взаимоотношения с Вышинским не заладились чуть ли не с первой встречи в 1925 году. Профессор вел себя независимо и отпускал порой едкие реплики по поводу начальства, а ректор Вышинский терпеливо, как вышколенный егерь, ждал своего часа для ответных действий. Далеко не всякая колкость Плетнёва относилась персонально к ректору, но точность профессорских выпадов побуждала к весьма субъективным истолкованиям.

В разговорах с коллегами и в печати Плетнёв иногда вспоминал старинное высказывание о персонах, «телом и духом перегибательных», — ректор крепился, пытаясь состроить благожелательную гримасу. Еще бы ему не держать себя в узде, когда вышестоящие товарищи на бланке ЦК ВКП(б) могли в любой момент затребовать профессора на пару недель в распоряжение инстанций¹¹. «Есть люди, как и микробы, способные вегетировать на любой среде, — выпалил Плетнёв на съезде терапевтов. — Ими особенно богаты эпохи, являющиеся переломными в жизни народов»¹². Ректор опять смолчал, хотя этот намек достигал уже каменистой плотности. Но теперь постные годы Вышинского заканчивались. Ему уже не надо было даже менять меньшевистское пенсне с позолоченной дужкой на пролетарские очки в стальной оправе. Он приготовился поквитаться, и способ его